
III. СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ ПОЛИТИЙ ВОСТОКА

И.В. КУДРЯШОВА

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Арабский мир¹ часто называют «пасынком глобализации», имея в виду, что на сегодняшний день она не открывает перед ним видимых перспектив в сфере экономического роста, политической стабильности и благосостояния, а несет лишь усиление зависимости и увековечивание отсталости в рамках утвердившейся в 90-х годах неолиберальной модели развития. Это подтверждает статистика: его совокупный ВВП на 2004 г. составил около 1520 млрд. долл.², опередив только регион стран южнее Сахары, притом, что он включает в себя ряд стран, являющихся крупнейшими производителями нефти. Большинство арабских стран относится к категории государств с низким индексом человеческого развития (HDI)³: один из пяти арабов (при общей численности около 280 млн. человек) живет менее чем на 2 долл. в день, неграмотность достигает 38,7%, доступ в Интернет

¹ Членами региональной организации Лига арабских государств (ЛАГ, основана в 1945 г.) являются 22 государства (включая Палестину). – Прим. авт.

² Подсчитано по: The World Factbook. – Mode of access: <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/rankorder/2001rank.html>.

³ Human Development Index – специальный индекс, предложенный группой исследователей Программы развития ООН для оценки человеческого прогресса в социальной, экономической и образовательной сферах; выводится из трех показателей: ВВП на душу населения, уровня грамотности и продолжительности жизни. – Прим. авт.

имеет около 7% населения¹. Отсюда проистекает отношение к глобализации как к модифицированной форме колонизации, осуществляемой небольшим числом акторов, контролирующих мировой экономический и политический рынок.

В странах проблематичной экзогенной модернизации стремительные даже по западным меркам изменения, прямо или косвенно вызываемые глобализацией, резко усиливают не только хозяйственные дисфункции, но и конфликтность всего социально-культурного пространства, отличающегося выраженной структурной дуальностью. Модернизирующееся арабское государство существует, о чем подробнее пойдет речь ниже, в поле полярной напряженности, создаваемой разными цивилизационными основаниями: глобализованным модерном и мусульманской политической традицией, обеспечивающей сочетание гипертрофированной роли политического центра и религии с общинно-патримониальными началами; и глобализация сегодня эту напряженность усиливает.

Более того, повышение значения силы (как экономической, так и политической) в мировом политическом процессе применительно к интересующему нас региону выливается во многих случаях в неприкрытую атаку на суверенность государства, выстраивание которой было центральным пунктом политической борьбы арабских элит со времен мандатной системы Лиги Наций. К наиболее ярким примерам можно отнести причисление американской администрацией к «оси зла» не только Ирака Саддама Хусейна, но и – в разные периоды – Ливии, Судана, Сирии, а также представление мегаплана «Большой Ближний Восток»², предусматривающего ускоренное продвижение политических и экономических реформ на огромной территории от Мавритании до Пакистана. Последняя инициатива была воспринята в арабском мире, в том числе в официальных кругах, как непозволительное давление извне, попытка разрушения национальной и религиозной сущности региона³. Подобные действия Запада не

¹ Mode of access: <http://www.haaretzdaily.com/hasen/objects/misc/Back-Home.jhtm/>

² Проект «Партнерство во имя прогресса и общего будущего» с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки, инициированный саммитом «большой восьмерки» в июне 2004 г.

³ См. напр.: «Al-Ahram Weekly». – Mode of access: <http://weekly.ahram.org.eg.> – 27.05-2.06, 3-9.06.2004.

могут не усиливать протестные настроения, которые зачастую принимают форму экстремистских и террористических акций, в свою очередь бросающих вызов ключевому звену суверенитета — монополии на принуждающее насилие.

Вместе с тем внешнее воздействие на формирование институциональной сферы арабских стран было в XIX—XX вв. постоянным и интенсивным. Я имею в виду не столько их нахождение в составе Османской империи (отношения арабской периферии с центром имели коммуналистский характер), сколько проникновение европейского модерна в процессе колонизации. Западная модель общества поразила людей Востока тем, что обеспечивала развитие и улучшение положения человека. В интеллектуальных религиозных кругах стала развиваться в целом не новая для мусульманской политической мысли идея о том, хорошее общество — то, правители которого тем или иным образом отвечают устремлениям своих подданных и заботятся об их благополучии. Истоки превосходства Запада большинство мыслителей видели не в христианстве, а в европейском политическом устройстве. Основными причинами упадка мусульманского мира Дж. ад-Дин аль-Афгани считал отсутствие справедливости (*адль*), принципа консультаций (*шурь*¹) и конституции, ограничивающей правителя. Как полагал его ученик Мухаммад Абдо, взаимоотношение ислама с современностью — ключевой момент для мусульманских сообществ. Пытаясь найти точки соприкосновения в исламской и западной политической мысли, он провел параллель между *шурой* и демократией и отверг наличие принципа теократии в исламе, отметив, что власть правителя (*хакима*), судьи (*кади*) и муфтия имеет гражданский характер. По его мнению, парламентская система и плюрализм отнюдь не губительны для единства мусульманской общины (*уммы*), поскольку споры о методах достижения цели не означают сомнения в самой цели, как показывает пример европейских стран. Еще один известнейший реформатор, Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, много внимания уделял исследованию политического деспотизма, подчеркивая, что ислам как религия не несет ответственности за те формы деспотического правления, которые возникали и реализовывались от его имени, и что «народы должны отвечать за действия тех,

¹ См.: Коран 42:36, 3:153.

кого они выбирают в правители; когда это не удастся, их подчиняют другие народы»¹.

Во многом благодаря европейскому воздействию в наиболее развитой стране региона – Египте – во второй половине XIX в. появляются структуры представительства и организации партийного типа. Эти нововведения осуществлялись местными иерархиями, которые полагали, что преобразование практики общественно-политической жизни позволит достичь военного превосходства как основы независимости.

Когда Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, британское правительство обещало правителю Хиджаза шерифу аль-Хусейну² поддержку в создании независимого арабского государства, точные размеры территории которого тогда не были определены, в обмен на организацию восстания бедуинов против султана. Позднее к соглашению был добавлен пункт о признании любого халифа, которого сами арабы сочтут достойным избрания. Интересно, что только тогда термин «*ад-дауля*» («государство») был использован в значении западного «*state*».

Однако Великобритания, как показало развитие событий, не собиралась предоставлять арабским странам суверенную государственность, особенно учитывая стратегическое положение Ближнего Востока по отношению к Индии. Параллельно с арабо-английскими контактами в Европе разрабатывался другой договор о послевоенном разделе региона³. Предполагалось, что независимость получат лишь арабы, проживающие на территории Аравии и Йемена.

Борьба великих держав за турецкое наследство на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. шла на фоне нарастания антиколониальной борьбы, однако страны региона превратилась в зависимые территории Великобритании и Франции с различными системами политического контроля (прямое управление, институт верховного комиссара и советников, особые договорные отношения). Несмотря на то что в целом арабские сообщества выступали против власти турецкого султана, крах халифата означал развал администра-

¹ См.: Tamimi A.S. Democracy in Islamic Political Thought. Mode of access: <http://ireland.iol.ie/~affi/Articles/democracy.htm>. – P. 2–4.

² Представитель влиятельной династии Хашимитов, возводящей свой род к пророку Мухаммаду. – Прим. авт.

³ Соглашение Сайкс-Пико (представители соответственно британского и французского министерств иностранных дел) 1916 г.

тивной системы, которая в течение многих столетий была символом политической целостности и духовным щитом мусульман.

В институциональном аспекте мандатная система оказала решающее воздействие на арабский мир, так как в этот период были созданы искусственные политические территории, — искусственные в том смысле, что их возникновение было определено не естественным развитием обществ, а волей великих держав. Арабское общественное сознание не сразу восприняло эти политические территории как государства, и для них был выработан совершенно новый термин «*кутр*» («страна», «земля», «область»). В египетском, иракском, сирийском, ливанском и других относительно развитых обществах национальные движения против иностранного вмешательства, за независимость воспринимались либо как локально-патриотические, либо как арабские¹, что вполне объяснимо: нации как социальной общности, как целого, борющегося за политическое самовыражение, в этих экономически неразвитых, с преобладанием патронажно-клиентелистских отношений государственных образований не существовало и не могло существовать². Историческое же понятие «*аль-умма аль-арабийя*» («арабская нация») указывало на некую внутренне присущую арабам особую «квазибиологическую» сущность и коррелировало с кораническим понятием *уммы* как мусульманской общины.

Это убедительно иллюстрируют документы Партии арабского возрождения³ (в дальнейшем — БААС), которая связывала успех борьбы за национальное освобождение в одной стране с борьбой за создание единой арабской нации, которой по силам покончить с зависимостью от Запада. В понятия «арабской нации» и «арабского единства» баасисты вкладывали эмоциональный патриотический подтекст: «Призывая к нации, мы прежде всего призываем к любви, к чувству, которое связывает человека с его семьей, так как родина —

¹ См.: Калькили Н. Процесс становления палестинских политических институтов: Дис... канд. полит. наук. — М., 2003. — С. 11.

² О планах создания объединенного арабского государства см.: Степанова Н.В. Интеграционные процессы в арабском мире // Восток / Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. — М., 2002. — С. 288–290.

³ Образована в 1947 г. в Дамаске; позднее слилась с Арабской социалистической партией и получила название БААС. Одна ее ветвь пришла к власти в Сирии, другая — в Ираке. — Прим. авт.

это большой дом, а нация – большая семья»¹. Миссия партии определялась как «создание или возрождение нации», а сама партия – как пример «будущей чистой развитой нации»². В 50–70-е годы идеи юнионистского арабского национализма получили практическое воплощение в попытках объединения Египта, Сирии, Ливии, Судана, Туниса, Ирака, Иордании на двусторонней или многосторонней основе и пользовались широкой поддержкой населения. Однако разнообразность политических режимов и неравномерность социально-экономического развития обрекли их на неудачу.

Таким образом, арабские государства, преимущественно обретшие независимость после Второй мировой войны и получившие в качестве атрибута суверенности заложенные в конституциях западные принципы организации власти (исключая абсолютные монархии Персидского Залива), были далеки от породившего эти принципы «nation-state». Национализм принял в них форму лояльности власти государства, – лояльности, обусловленной не только традицией, но и тем, что только государство способно было в тех политических и экономических условиях обеспечить единство и относительную стабильность, аккумулировать финансовые и человеческие ресурсы, осуществить модернизацию. Поскольку в отсутствие *граждан*, индивидов, находящихся в правовых отношениях по отношению друг к другу и государству, не может быть сильной власти демократического типа, у власти в этих странах оказалась военная или гражданская бюрократия. Попытка установления режима консociативной демократии в качестве механизма управляемого политического участия в Ливане, имевшем благоприятствующие этому политико-культурные и социально-экономические факторы, привела к консервации партикулярных интересов влиятельных кланов и семей, стагнации вследствие слишком широкой коалиции и в итоге к гражданской войне, социально-политические причины которой не преодолены до сих пор.

Острейшая нужда в экономических, военных, культурных ресурсах, необходимых для предотвращения дезинтеграции (эта проблема была острой, например, для Иордании, Ливана, Ирака, Кувейта, Алжира, Йемена), модернизации и строительства национальной идентичности, объективно толкала арабские страны к поиску союз-

¹ Фи сабиль аль-Баас (Во имя Баас). – 2-е изд. – Багдад, 1963. – С. 45.

² Там же. – С. 339.

ников-спонсоров, которыми в эпоху биполярного мира могли стать и стали сверхдержавы – СССР и США. Проникновение в регион сверхдержав отразилось на политических структурах и характере политического обмена ориентированных на них стран. Вариативность институциональных моделей была очень широка: от конституционных династических монархий (Марокко, Иордания) и квазилиберальных многопартийных систем (Тунис, Ливан, Египет после Насера) до правящих массовых партий, в том числе в составе фронтов (Египет при Насере, Ирак, Сирия, Алжир, Южный Йемен), и «непосредственного народовластия» через систему первичных народных собраний (Ливия). Тем не менее во всех случаях (кроме, может быть, Ливана) стабильность и относительная сплоченность этих формирующихся сообществ (в условиях усиливающего социальную дифференциацию и несогласие экономического роста) гарантировались режимом личной власти, разрешающей многочисленные кланово-региональные, племенные, конфессиональные и иные конфликты, обусловленные наличием разнообразных парохильных лояльностей.

Особняком в этом далеко не полном списке стоят патримониальные сообщества Персидского залива, где в конце 50-х – начале 60-х годов под действием внешнего фактора также ускорился процесс развития, понимаемого в этом случае как институционализация политических организаций и процедур (С. Хантингтон), и, соответственно, централизации власти. Обладание нефтяными ресурсами, имеющими стратегическое значение для мирового капиталистического хозяйства, с одной стороны, определило отсутствие применительно к ним жесткого внешнего политического давления ради поддержания внутренней консервативной стабильности, а с другой – позволило формироваться в качестве влиятельных участников мирового политического процесса. Забегая вперед, отмечу, что ряд исследователей относят Саудовскую Аравию не к полупериферии, а к ядру миросистемы, учитывая масштаб ее экономики, зарубежных инвестиций и активную международную роль¹.

Огромное значение для формирующихся национальных интересов и политической идентичности имели арабо-израильское противостояние и острое соперничество сверхдержав. В 1947–1967 гг. в ходе

¹ См.: Doorenspleet R. *Democratic transitions / Exploring the structural sources of the fourth wave.* – Boulder; L., 2005. – P. 117–118.

коротких ближневосточных войн арабские государства не смогли достичь единства, после же неудачной войны 1967 г. разногласия усилились. Иордания стремилась найти путь мирного сосуществования с еврейским государством: для нее потеря Западного берега была серьезнейшим экономическим потрясением, а присутствие палестинских беженцев и отрядов – дестабилизирующим фактором (позднее палестинское присутствие в Ливане стало одной из причин гражданской войны). Египет, обладающий сильной армией, стремился к реваншу, хотя в принципе мог бы вести диалог с Израилем – но как равный с равным (что и вылилось впоследствии в сепаратный мир); режимы «социалистической ориентации» (Сирия, Ирак, Алжир, Ливия, Южный Йемен) отвергали любой мирный договор или признание Израиля; нефтяные монархии, публично поддерживая антиизраильский курс, руководствовались интересами стабильности и экономической конъюнктуры. С другой стороны, ближневосточный конфликт, необходимость координации усилий в защите общеарабских интересов удержали арабские страны от «балканизации». Но все же политические и идеологические противоречия, взаимные территориальные и экономические претензии были настолько велики, что эффективного общерегионального сотрудничества (например, в рамках ЛАГ и ее учреждений) наладить не удалось. Более успешен, но в основном в плане формирования субрегионального рынка, опыт Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), объединившего однородные монархические режимы¹.

Подводя итог периоду развития арабского государства в биполярную эпоху, можно констатировать, что оно проделало немалый путь с точки зрения формирования своей политической территории, централизованных властных институтов и идентичности², значительно укрепив внешний и внутренний суверенитет, внутреннюю безопасность. Важную роль в этом процессе сыграли геополитическое соперничество и модернизационная помощь сверхдержав (особенно СССР), а также ближневосточный конфликт и нефтяной фактор.

¹ Создан в 1981 г. и объединяет Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовскую Аравию – аравийскую «шестерку», на долю которой приходится около 22% мировой добычи нефти. – Прим. авт.

² Например, в Южном Йемене в 70-е годы XX в. географические названия провинций были заменены на номера, чтобы ослабить локальные идентичности. – Прим. авт.

Нефтяные ресурсы использовались не только как экономическая основа модернизации, но и как инструмент политического давления на западный мир в борьбе за собственные позиции в регионе («нефтяные бойкоты»). В 70–80-е годы этос развития и расплывчатый национализм стали характерными чертами модернизирующихся монархий, в них постепенно формируется авторитет власти государства (а не только монарха). Некоторые из них попытались совмещать институт монархии с какими-то формами парламентаризма (Кувейт). Большие доходы позволили им создать профессиональный аппарат управления, и надежная административная система снимала многие противоречия модернизации.

В республиканских системах заимствованные стратегии развития, обеспечив некоторое улучшение социально-экономических показателей (рост ВВП на душу населения, грамотности, продолжительности жизни и др.), не решили проблему недостаточного развития (underdevelopment) и одновременно вызвали острые социальные конфликты, связанные с последствиями быстрых индустриальных преобразований и распространением западных культурных ценностей. Внедрение новой модели взаимоотношений с государством, выступающим в качестве крупнейшего собственника, при отсутствии компенсаторных механизмов сопровождалось социальной дезорганизацией, резким усилением маргинальности и разочарованием в «демократии» или «социализме». В институциональной сфере сформированные политические организации и процедуры не получили автономности и продолжали оставаться инструментами разнообразных социальных групп, являя собой симбиотическое сочетание современных и традиционных форм власти. Это предопределяло их зависимость от внешнего влияния.

В подобных условиях там, где не было жесткой националистической диктатуры (Ирак, Сирия и отчасти Ливия), ислам стал превращаться как в инструмент поддержания социального равновесия со стороны власти, так и в инструмент мобилизации оппозиции. При этом идеологию, основанную на исламе как мировой религии, в силу ее природы трудно замкнуть в национальном пространстве, и она так или иначе выводит своих последователей на общемусульманский уровень, ослабляя другие идентичности. Однако большинство исламистских организаций сегодня признают наличие «национального этапа» борьбы и национальных целей (например, старейшая из них —

египетские «Братья-мусульмане», созданная в конце 20-х годов как общеарабская).

Распад социалистической системы и самого СССР привел к резкому усилению глобализационных процессов: капиталистическая интернационализация 80-х годов стала поистине глобальной. Для нее не осталось отгороженных «железным занавесом» пространств, неолиберальная модель развития утвердилась в качестве наиболее эффективной, а США стали единственной сверхдержавой. Арабский Восток оказался, если можно так сказать, наедине с Западом и его стратегическими интересами, имеющими отчасти противоречивый характер: это экономическая либерализация, сопряженная с ней политическая либерализация, поддержка Израиля и одновременно сохранение стабильности в регионе, обладающем самыми значительными запасами углеводородов. Сам регион при этом, как было показано выше, далеко не монолитен, расколот противоречиями, несмотря на общие культурно-религиозные и географические факторы и единую для всех стратегическую задачу преодоления недостаточного развития.

Для всех арабских стран результатом модернизации стало появление новых интересов, новых участников, ведущих борьбу за доступ к материальным и символическим ценностям, т.е. резкое нарастание требований по отношению к политическим институтам. Таким образом, давление на государство с целью проведения институциональных изменений с разворачиванием глобализации усиливается как извне (со стороны глобальных лидеров), так и изнутри. Очень большую роль в этом давлении играет так называемый «демонстрационный эффект» глобализации, возникший благодаря Интернету и спутниковым каналам. В этой ситуации государству невозможно «закрыться» от мирового политического и хозяйственного рынка, формирующего ожидания населения¹.

Интересно, что для обозначения глобализации в арабском языке не используются заимствованные термины. Из нескольких предложенных вариантов² закрепился термин «*авляма*» — производное от «*алям*» («мир»), что в соответствии с грамматическими нормами арабского языка означает «делаться, становиться миром, приобретающим

¹ См.: Friedman T.L. The lexis and the olive tree. — N.Y. — 2000. — P. 43–70.

² См.: Архипова Д. Глобализация глазами арабо-мусульманского мира. — Режим доступа: http://www.polit.ru/country/2003/07/22/621761_print.html. — С. 3.

некое новое качество». Язык, таким образом, точно выразил понимание глобализации как становления целостного по своим параметрам, взаимозависимого мира.

Естественно, глобализационные процессы могут расцениваться по-разному, и отношение к ним в большинстве случаев политизировано. Но даже характеризуя глобализацию как «реколонизацию» или «американизацию», арабские элиты и арабская улица в любом случае понимают ее как процесс изменений, как формирование новых отношений взаимозависимости. И хотя характеристика «взаимозависимость» применительно к отношениям между Западом и арабскими странами кажется натянутой, она есть, и не сводится только к нефтяным ресурсам и нефтедолларам или информационному влиянию. Быстро увеличивается мусульманское присутствие в Европе¹, вызывая неоднозначные политические последствия, в том числе рост влияния ультраправых. Еще более важно то, что само отношение к исламскому миру становится существенным фактором западного политического процесса.

Вызов, который и ранее стоял перед арабским государством, усложнился: теперь ему необходимо поддерживать социетальное равновесие и собственную легитимность в условиях неравномерной и «неравной» глобализации, подтачивающей его внутренние и внешние полномочия; и в отличие от предыдущей биполярной эпохи возможностей для маневра в виде выбора соответствующей внешнеполитической ориентации нет. При этом легитимность зависит сегодня не только от степени осознания национальной идентичности и доверия к власти, но и от того, насколько властные структуры учитывают требования равенства и участия, усиливающиеся благодаря информационным потокам и трансграничным перемещениям населения. Эти требования, выдвигаемые не обязательно в «западных» формах, представляют собой серьезную угрозу для монархических режимов и их типа суверенитета как атрибута монарха (естественно, это понимание варьируется от страны к стране). Для республиканских же режимов главная опасность — структурные изъяны легитимности, обусловленные отсутствием инклюзивного конституционного управления и

¹ В Европе насчитывается, по оценке различных источников, от 15 млн. до 25 млн. мусульман. — Прим. авт.

идеологической слабостью власти (отсюда и трудность споров с исламистской оппозицией).

Для арабского государства серьезными структурными изменениями чреватые и экономические реформы: в большинстве случаев, как отмечает в своей работе по этой проблематике А.Н. Рой, оно глубоко вовлечено в патронажную систему, которая включает в себя политическую поддержку со стороны компаний госсектора в обмен на «пожизненную экономическую безопасность»¹, т.е. не всегда рационально в выработке экономической политики. Кроме того, национальный нефтегазовый сектор рассматривается (там, где он присутствует) как основа суверенитета.

Экономическая реформа в этом регионе тесно связана с политической – сопряжение политической и экономической сфер обусловлено ходом исторического развития. Поэтому экономические реалии, привносимые глобализацией, имеют далеко идущие последствия. Она заставляет искать возможности подключиться к мировым хозяйственным связям, привлекать инвестиции, снижать таможенные пошлины, менять забюрократизированные банковские системы, словом, действовать – правда, не только по собственной воле, но и под давлением Всемирного банка, МВФ и других финансовых структур. Государству приходится принимать неизбежность хозяйственных реформ и внешнего вмешательства в условиях недостаточности экономических ресурсов, но при этом оно боится ослабления собственных позиций и политического контроля: экономическая либерализация – это прежде всего приватизация госсектора, охватывавшего в 90-е годы в ряде стран до 70–80% производства (Алжир, Египет, Ливия, Сирия и др.), а она сопряжена с ростом безработицы и социального недовольства. Тем не менее в последний период в ряде стран принимаются важнейшие решения о дозированном доступе иностранного капитала в нефтегазовый сектор (Алжир, Ливия, Египет и др.), создаются особые «квалифицированные экономические зоны» между США, Израилем и Египтом, приватизируются сотни предприятий. Формируются и обрастают новыми механизмами субрегиональные (помимо упоминавшегося ССАГПЗ) экономические союзы².

¹ Roy A.N. Globalization or Gobble-isation: The Arab experience. – Delhi, 2003. – P. 101.

² Подробнее см. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

В 1995 г. одобрена Барселонская декларация, установившая рамки Европейско-Средиземноморского партнерства с участием 8 арабских стран¹; многие арабские страны² стали участниками ВТО, другие выражают намерение присоединиться к ней. Однако эти шаги пока мало способствуют не только эффективному участию в мировой хозяйственной системе, но и субрегиональной интеграции из-за отсутствия, как справедливо отмечает А.Н. Рой, сбалансированной интегрирующей среды³, т.е. однотипного и при этом неравномерного развития и политических разногласий. До сих пор среди арабских государств нет единого подхода к глобализационным процессам в нефтяной сфере. Нефтяные доходы, к которым так или иначе имеют отношение они все (как производители и как получатели помощи), не столько служат «локомотивом» реформ, сколько консервируют распределительную экономическую систему.

Глобализация, формируя общие ожидания, требует и определенной совместимости политических систем, общего политического языка. Это обусловлено, как я отмечала, не только внешним давлением западных участников, но и объективной логикой глобализационных процессов. Требование «демократии» поддерживается «снизу», хотя зачастую в формах, не позволяющих увидеть его истинный смысл. Тот же политический ислам подразумевает в своих наиболее развитых концептуальных формах не самоизоляцию и тотальную войну с Западом, а поиск сочетания исламской идентичности (в том числе в ее национальном измерении) и ценностей с общемировым политическим и экономическим сотрудничеством⁴.

Неудивительно, что 90-е годы открыли в арабском мире эру политических реформ. Приведу лишь некоторые знаковые события: 1989 г. — возобновление парламентских выборов в Иордании; 1990 г. — свободные выборы в Алжире и расширение состава сирийского парламента за счет увеличения квоты мест для независимых; 1991 г. — выборы в Кувейте; 1992 г. — принятие «Основного закона о государственной власти» и образование Консультативного совета в Саудовской Аравии;

¹ Предусматривает создание к 2010 г. зоны свободной торговли с ЕС. — Прим. авт.

² Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Катар, Кувейт, Марокко, Оман, Тунис. — Прим. авт.

³ Roy A.N. Op.cit. — P. 113.

⁴ Подробнее см.: Кудряшова И.В. Идеологический дискурс политического ислама // Полит. наука. — М., 2003, №4.

1993 г. – выборы в Йемене; 1996 г. – новая Конституция в Алжире; 2002 г. – принятие Конституции в Катаре, провозгласившей прямые выборы при тайном голосовании; 2002 г. – муниципальные выборы на Бахрейне с участием женщин; 2005 г. – муниципальные выборы в Саудовской Аравии и альтернативные прямые президентские выборы в Египте. Однако одновременно с либерализацией имело место ужесточение контроля над СМИ, уровнем политических прав и свобод и оппозицией (чаще всего под предлогом борьбы с исламом и терроризмом). Эти разнонаправленные тенденции дали основание О. Шлумбергеру определить выживаемость арабского режима как «комбинацию функций репрессивного принуждения и легитимности». При этом уровень репрессий остается относительно стабильным, а уровень легитимности и ее источники изменяются¹.

Со стороны, обращенной к внешнему миру, уровень легитимности власти поддерживается соответствием общей западной парадигме демократизации в духе «третьей волны», а ее практические «изъяны» объясняются задачами сдерживания экстремизма. Одновременно подчеркиваются трудности политических и экономических реформ и важность борьбы с терроризмом «на переднем фланге», что позволяет получить дополнительные средства от международных финансовых институтов для решения острых социальных проблем. Вовне в институциональном плане легитимность обеспечивают новые или реорганизованные политические институты (выборы, партии, неправительственные организации, гуманитарные фонды) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет представителей бизнеса, технократов, получивших образование на Западе и использующих общий с ним язык; широкое распространение получила «экономизация» политического дискурса², когда конкретные экономические решения и программы удерживаются в поле публичных политических дискуссий (Иордания, Тунис). Однако эти политические формы, свидетельствуя о появлении новых политических стандартов, не являются показателем демократизации. Свободные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций, получивших в некоторых странах прозвище «GO-NGO»,

¹ Holger A., Shlumberger O. «Waiting for Godot»: Regime change without democratization in the Middle East // *Intern. polit. science rev.* – Beverly Hills, 2004. – Vol. 25, N 4. – P. 375.

² Holger A., Shlumberger O. *Op.cit.* – P. 378–380.

что соответствует русскому «ПО-НПО» («организованные правительством НПО»), имеют целью кооптацию во власть представителей патриониальных структур ради поддержания национальной консолидации «без размежевания». Таким образом, они отнюдь не выполняют свойственную им функцию коммуникативных сетей, создающих гражданскую идентичность. Реально же действующими социальными организациями, которые могут обеспечить лояльность индивидов, служить надежными сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, остаются мусульманские общины. Этим обусловлено и влияние исламистских организаций как единственной автономной оппозиционной политической силы. Поэтому, например, включение ХАМАС в легальный палестинский политический процесс или интенсивные консультации в Египте с лидерами «Братьев-мусульман» накануне президентских выборов как раз и есть проявление демократической политической практики (с поправкой на местный контекст).

Оценивая годы «сосуществования с глобализацией» для арабского государства, можно сказать, что осуществленные изменения имели адаптационный характер к новой внешне- и внутривнутриполитической ситуации и не привели к формированию нового типа суверенного авторитета. Однако это произошло не только из-за «авторитарности» и «отсталости» элит, а в первую очередь из-за двойственности самого «недомодернизированного» государства, сочетающего в себе различные идентичности и основания легитимности и вынужденного искать баланс между ними.

Сегодня жизнеспособность государства — центральное звено политического и экономического развития арабского мира. Поэтому давление в сторону ослабления его суверенности (я не затрагиваю здесь особый вопрос о «строительстве демократии» в Ираке) вызывает у арабских лидеров понятные опасения и растерянность. «Мы не заинтересованы в продолжающихся разговорах о “Большом Ближнем Востоке”. Мы заинтересованы в нашем арабском регионе... Арабский путь к реформе будет осуществляться в соответствии с арабскими приоритетами», — так общеарабское отношение к инициативе США выразил египетский президент Х. Мубарак¹. Одновременно и у американской администрации при всем ее внимании к переменам на

¹ «Al-Ahram Weekly». — Mode of access: <http://weekly.ahram.org.eg>. — 27.05 — 2.06.2004.

Ближнем Востоке нет идей относительно того, как это можно сделать (если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговли – вслед за аналогичной инициативой ЕС и специализированных программ Госдепартамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства (MEPI)¹. В подобных условиях, как представляется, лучше сделать передышку: глобализация принимает уродливую форму в отсутствие диалога, а для диалога необходимы и взвешенные подходы элит, и закрепление произошедших изменений в политической культуре (а не только фиксация их массовым сознанием), и, добавим, научная концептуализация этих изменений. Во всяком случае, глобализация как взаимодействие, а не диктат требует выработки нового глобального этоса, в котором нуждаются не только слабые, но и сильные, чтобы продолжать считать себя членами единого человеческого сообщества.

¹ См.: Alterman J.B. The false promise of Arab liberals // Policy rev. – 2004. – June-July. – P. 84–85.